

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.
Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеєю белою
Плавает, давит меня!
Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!
Ленты да радуги, ярче и ярче дня:
Дух захватило в груди:
Суженый! Золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

А.А. Фет

Глава 1

ДЕБЮТ ТЕТУШКИ ИНТУИЦИИ

— У меня две мечты. Первая, чтобы волк наконец догнал зайца. И вторая, чтобы дочка мачехи стала женой принца.

— Тогда твои мечты уже сбылись. Это жизнь, племянник!

Эдя Хаврон

— **Д**епресняк! — позвала Даф.
Ноль внимания, фунт презрения.
— Эй, гара-а-аж! Ау! Депресня-а-а-ак!

Опять ничего.

— Серные пробки в ушах, да? Небось слово «лопать» ты сразу слышишь!

Кот, сидевший на плече у Дафны, лениво повернул голову. В прищуренных глазах плескало багровое пламя. К морде пристало воронье перо. Адский котик своеобразно решал вопросы с продовольствием. Хозяйка пера не успела даже каркнуть, встретившись со своей судьбой.

— О, услышал! Ты не знаком, случайно, с каким-нибудь крылатым котом, которого можно на скорую руку сдать в зоомагазин и получить за это деньги? Я ужасно хочу что-нибудь съесть. А? Что скажешь?

Кот снова воздержался от ответа. Вместо этого он зевнул, показав зубки, которые довели бы до инсульта любого стоматолога.

— М-да, видок у тебя нетоварный! Лысый, красноглазый, кровожадный: зверушка на любителя! Массового спроса не ожидается! — уныло признала Дафна и большим пальцем почесала коту подбородок.

Депресняк замурлыкал. Его мурлыканье напоминало звук, издаваемый ржавым железом, которое пилят очень тупой пилой. Когда же, не ограничившись мурлыканьем, Депресняк еще и мяукнул, несколько мнительных автолюбителей немедленно высунули носы из окон офисов, проверяя, не пора ли праздновать день жестянщика.

— Ну да, да: ты совершенно прав. Я, страж Света, предлагаю тебе явное мошенничество. Жуть, до чего я дошла! — продолжала рассуждать Даф. — Только не делай, пожалуйста, вид, что ты возмущен. Или я намекну Эде, куда делась мясная вырезка. Он-то считает, что забыл ее в метро. Ну, что скажешь? Думаешь, я шантажистка?

Кот равнодушно шевельнул хвостом. Про вырезку он уже не помнил. Мало ли какие моменты случаются на тернистом жизненном пути. Кто прошлое ворошит, вокруг того зеленые мухи летают.

Упомянутая беседа с котом велась на розовой, залитой солнцем Петровке, рядом с антикварным магазином. В его витрине, среди деревянных слонов родом из Индии и турецких кинжалов родом из Китая, Дафна увидела и девчонку лет тринадцати-четырнадцати на вид, в короткой кожаной куртке, с рюкзачком, из которого торчала флейта. С ее плеча, точно облезлая горжетка, свисал кот в комбинезоне.

Дафна приподнялась на носки и опустилась, сверяя впечатление. Ловить собственное отражение в телефонных будках, тонированных стеклах машин, витринах, лужах и даже в очках прохожих было одной из ее уличных забав. Депресняк тем временем случайно втянул носом тополиный пух и недовольно чихнул.

— Животное! — снова сказала Даф. — Ты позоришь меня сонным и тощим видом! Прохожие, уверена, думают, что я тебя пытаю. Скажи что-нибудь умное, Депресняк!

Кот издал скрипучий горловой звук, который можно было расшифровать как «ну, мяу!».

— И вообще, Депресняк! Есть вещи, которые меня смущают! За последний месяц я подросла сантиметра на два, не меньше. Брюки определенно стали короче. В Эдеме для этого потребовалась бы тысяча лет. И это в лучшем случае, — пробормотала Даф озабоченно.

То, что она выросла, приходило ей в голову не однажды, но лишь теперь, разглядев отражение в витрине, Даф утвердилась в этой мысли окончательно.

— Хю-хю-хю, нюня моя! Здесь не Эдем!

Внезапно рядом кто-то ехидно хихикнул. Даф повернулась, но никого не обнаружила. Лопухоиды хилой струйкой текли по тротуару на приличном отдалении. Солнце прилипло к раскаленному небу, как блин к сковородке. Единственная тучка, довольно бэушная на вид, запуталась в троллейбусных проводах и рекламных перетяжках. Заподозрить в хихиканье было совершенно некого.

Версия, что звук могла издать витрина, выглядела неуверительно, и поэтому Даф, как здравомыслящий страж Света, немедленно предприняла несколько вещей. Пер-

вое: на всякий случай проверила, легко ли извлекается из рюкзака флейта. Второе: быстро начертила указательным пальцем в воздухе руну, известную как «руна доброжелательности». В случае, если потусторонние существа рядом отсутствовали или были не опасны, руна таяла, едва возникнув. Однако сейчас руна повисла в воздухе дымным кольцом. Даф успокоилась. Будь угроза серьезной, руна стала бы пунцовой. Синеватое же дымное кольцо скорее означало, что кому-то, кого сложно назвать другом, что-то от нее нужно.

И наконец, последнее, что сделала Дафна, — покосилась на Депресняка. Кот намного острее чувствовал опасность. Здесь так и тянет пойти на поводу у дряхленького жанра и написать, что шерсть у кота встала дыбом. Но, увы, всей растительности на адском котике не хватило бы даже на самую скромную кисточку. И то пришлось бы отрезать ему усы. Зато в минуты, когда Депресняк что-то чуял, сухая кожа на загривке собиралась гармошкой, как голенище старого сапога, крылья на спине, обычно прижатые, дыбились под комбинезоном горбом, а на переносице залегала короткая косая морщина. Вот и теперь кошачья морда съежилась. Уши, порванные во множестве боев, прижались к голове. Поднявшаяся губа открыла мелкие зубы. Несколько капель кислотной слюны сорвались с синего языка и чуть не прожгли асфальт под ногами у Даф.

Это доказывало, что рядом находится существо иного, магического, мира. Больше не колеблясь, Даф настроилась на истинное зрение и, оглядевшись, увидела странное создание. Оно стояло к ней вполоборота, привалившись спиной к витрине, и улыбалось. Улыбка была противная. Она словно истекала сиропом и, ударяясь

о бильярдные шары ассоциаций, почему-то заставляла вспомнить жженый сахар.

— Кто-то тут — не будем переходить на личности — рассуждал, что подрост! А ты как хотела, крошка? Нижний мир есть нижний мир. Жизнь здесь летит стремительно, как самоубийца с балкона, — заявил незнакомец.

В первый момент Даф решила, что перед ней мужчина — с темными волосами, квадратным подбородком и трехдневной щетиной на смуглом лице. Эдакий красавчик, съедающий по женскому сердцу на завтрак, обед и ужин. Но когда существо повернулось, Дафна обнаружила, что вторая половина лица у него женская. Пухлые кукольные губы, длинные пшеничные волосы и огромный наивный голубой глаз.

По центру лица, где половины смыкались, пробегала россыпь мелких шрамов. Ощущение было такое, что некогда лицо сострочили, используя обычную швейную машинку. Приглядевшись, Даф различила шрамы и на шее. Пересекая ключицы, они исчезали под рубашкой. Значит, не только лицо, но и тело субъекта изготовили таким же способом. Одна рука — короткопалая, с желтоватыми ногтями и волосатым запястьем — могла принадлежать боксеру или мафиозо, другая — тонкая и изящная, украшенная золотым браслетом-цепочкой, — красавице полусвета. В петлице двухцветного пиджака пылал огромный алый мак.

— Суккуб, что ли? — со знанием дела спросила Даф. У нее отлегло от сердца. Тянуться к флейте не имело смысла. С суккубом она и так справится.

Незнакомец охотно закивал. Его голова на шее двигалась так свободно и расхлябанно, что Дафна не удивилась бы, скатись та на асфальт.

— К твоим услугам, нюня моя! Хныкус Визглярий Истерикус Третий собственным — хю-хю! — персонажем. Но ты можешь называть меня запросто: мой дружочек Хнык! Двое влюбленных тараканов встречались четыре дня и померли в один день от дихлофоса!.. А, нюня моя? Ну, как я сказал? Как сказал-то! — восхитился суккуб и от полноты чувств трижды провернулся вокруг своей оси.

Замелькали разномастные уши — одно приплюснутое, с торчащим из раковины жестким пучком самых что ни на есть водопроводческих волос, и другое — розовое и чистое, самой природой созданное для нашептывания всевозможной любовной ерунды.

Пока суккуб разглагольствовал, голос его, подстраиваясь, менял интонации — от сурового баса до вкрадчивого лепета. Дафну это ужасно раздражало. Равно как и быстрые хаотичные движения этого субъекта.

— Слушай, ты можешь все время не меняться? Ты уж определись: мальчик ты или девочка! — сказала Даф.

Суккуб укоризненно царапнул воздух наманикюренным мизинцем. Жест вышел таким витиеватым, туманным и красивым, что Даф невольно захотелось повторить его.

— Все в воле госпожи! Лично для меня это не вопрос! — манерно сказал Хныкус Визглярий Истерикус Третий. — Если госпоже требуется, извиняюсь, песик, я готов стать песиком! Прикажете приступить? Ав-ав!

Суккуб опустил на четвереньки и сделал ногой захватское, полное вызова движение, к которому прибегает песик, когда, закончив свои дела, отбрасывает лапой назад землю. Лицо его начало подозрительно вытягиваться. Брови сомкнулись и поползли вверх уже рыжей

шерстью. Еще мгновение — и перед Даф на задних лапах обретался завершивший превращение рыжий сеттер.

В воздухе мелькнуло что-то когтистое, хищное, сердитое...

— Мне не нужен песик! У меня уже есть котик! — мрачно сказала Даф, чудом успевая вцепиться в ошейник Депресняка. Ничтоже сумняшеся тот уже собирался сделать пса кривым на один глаз. Размышлениями у парадного подъезда на тему как быть, кто виноват и откуда вообще взялась собака, адский котик себя не загружал. Философия — удел философов, а мы котики действия. Мяу!

— Мы так не договаривались, нюня моя! Нечего на меня котов науськивать! Я существо несчастное, затравленное! Кого на меня только не натравливали! И борзых, и мастифов! А уж про ранимость и не заикаюсь. Чем меня не ранили: и копытами, и мечами, и, извиняюсь, из нагана! Нет, ну как сказал, как сказал! Хю-хю! — воодушевился суккуб, торопливо избавляясь от собачьего обличья. Шерсть слезала с него клочьями и таяла в воздухе.

Депресняк, вновь успевший угнездиться на плече у Даф, разглядывал суккуба с большим подозрением. «Уж теперь-то я знаю, что ты за фрукт на самом деле! Ты переодетая собака!» — говорил весь его вид.

— Послушай, Хнык, мы с тобой уже виделись или нет? — спросила Даф.

— Разве что во сне, нюня моя! — вкладывая в это какой-то свой смысл, сладко произнес суккуб.

— А в резиденции Мрака, на Дмитровке?

Сложив губы трубочкой, суккуб деликатно плюнул на мизинчики и полным кокетства жестом протер глазки:

— Какая осведомленность, нюня моя! Бедные мы, бедные! Никаких секретов от Света! Нет, я там не бываю, противная!

— Разве тебе не нужно продлевать регистрацию? Ведь духа с непродленной регистрацией затягивает Тартар! — удивилась Даф.

Закончив протирать глазки, суккуб погрузил мизинчики в раковины ушей и принялся ковыряться там с таким рвением, будто разрабатывал не скромные серные залежи, а соломоновы копи.

— Ох, затягивает! Пряма так берет и затягивает! — качая головой, подтвердил суккуб. — Только я, противнюшечка, по другому ведомству. У нас ведомств-то много, особенно по секретным поручениям. Так что, нюнечка, не затянут меня, не боись!

Зоркой Даф почудилось, что на лице суккуба мимолетно мелькнула тревога. «Ага! Вот ты и забеспокоился! Сболтнул что-то лишнее?» — подумала она.

Почистив ушки и потоптавшись на месте, неугомонный суккуб придумал новое развлечение. Не смущаясь стекла, он просунул руку сквозь витрину и, взяв кинжал, принялся скоблить заросшую щетиной часть своей шеи. Точь-в-точь младший менеджер отдела продаж, который, пугливо косясь на дверь, в которую барабанят нетерпеливые коллеги, одноразовой бритвой, всухую, бреется в служебном туалете перед вечерним свиданием. Закончив с бритьем, Хныкус Визглярий Истерикус Третий отбросил кинжал и, достав из воздуха помаду, принялся кокетливо подкрашивать губы.

— Не надоело придуриваться? Не устраивай цирк! Говори, что тебе нужно, или топай отсюда! — сказала Даф, вспоминая синеватый оттенок руны.

Ей было известно, что суккубы, равно как и комиссионеры, ничего не делают без выгоды для себя или без надежды на выгоду. И уж тем более просто так не являются стражам Света. Суккуб сделал вид, что обиделся. Голубой женский глаз заморгал и пустил слезу. Второй глаз тем временем рассматривал ее нагло и бойко.

— Я, нюня моя, хотел предупредить. Тебе ведь нравится Мефодий? Наш молодой господин? Ах, какая пара! Я даже не ревную! Я умиляюсь! — воскликнул Хнык.

Даф сердито шагнула к нему. Депресняк подпрыгнул у нее на плече, как наездник. В воздухе запахло расправой над бедным суккубом.

— Буслаев?! Ты бредишь! Зачем он мне нужен? Я не работаю в зоомагазине! — воскликнула Даф.

Хнык осклабился. Пальчик вновь царапнул воздух.

— Я тебя умоляю, противнюшечка! Обмануть суккуба в вопросах любви? О любви я знаю больше любого купидона. Да и что они могут понимать в чувствах, эти толстые диатезные сопляки? Палят из луков в кого попало и даже не берут за это эйдосов!.. Если купидоны и превосходят кого-то в вопросах любви, то лишь комиссионеров! Комиссионеры — дрянь, мелкая сошка! Любовь не их вид спорта!

— Не очень-то ты комиссионеров любишь. А Тухломона знаешь? — спросила Даф, пытаясь перевести разговор в безопасное русло.

При слове «Тухломон» Хнык передернулся:

— Конкурент противный! Бяка! Грубиян, зануда и вовсе никакая не нюня моя!.. Эйдосы у меня уводит, амеба бесстыжая!.. Хоть и по другому ведомству, а все равно змея!

— Сочувствую! Вор у вора дубинку украл! — усмехнулась Даф, радуясь, что сразу нашла у суккуба уязвимое место.

— Ты меня не жалеяй, противная нюнька! Ты себя жалеяй! — вспыхнул Хнык. — Вернемся к Мефодию. Я понимаю, почему ты не сознаешься, что привязалась к нему. У человека век недолог. Знаешь, сколько человек живет в днях? Двадцать — двадцать пять тысяч! Из них только десять тысяч приходится на молодость! Всего-то! А гонору, а планов! Нос куда задирает! А там время вышло — и все! Пакуйте чемоданы!

— Какие чемоданы? — не поняла Дафна.

— Спроси лучше куда! Согласно купленным билетам — либо на товарняк в Тартар, либо на экспресс в Эдем. У тебя же, нюня моя, впереди гарантированная новенькая вечность. Глупо влюбляться, если изначально у вас такие разные возможности. Пусть даже он и будущий властелин Мрака, но смертен, увя, как и все рожденное из праха.

— Я об этом не думала, — серьезно сказала Даф.

Суккуб быстро присел и снизу заглянул ей в глаза. На его макушке Дафна увидела полосу, где темные короткие волосы смыкались с длинными и светлыми.

— Значит, ты все-таки признаешь, что влюбилась? — спросил Хнык заговорщицким шепотом. — Ты, вечная, связала себя со смертным? А?

Дафна топнула ногой. Какое этому омерзительному существу дело, испытывает она какие-то чувства или нет? Что за радость лезть в чужую жизнь, вместо того чтобы жить своей?

«Стоп! Спокойствие! — сказала она себе. — А что, если этого типа подослал Лигул? А кто еще? Если он

не отчитывается Арею, то, значит, отчитывается Лигулу! Что, если он вынюхивает, не потому ли я здесь, что опекаю Мефодия и хочу, чтобы его дар не достался Мраку? В конце концов, Лигулу неизвестно, что в лабиринте я набросила шнурок с крыльями на шею Мефодию и связала себя с ним на всю жизнь».

— Я вечная, только пока кто-нибудь не срежет вот это. Уж не ты ли? — Даф вызывающе качнула бронзовыми крыльями на шнурке.

Хнык стыдливо зарумянился.

— Фу, противная какая бяка! Клянусь моей милой единственной мамой, я об этом даже не думал! — поспешно сказал он.

— У тебя нет мамы. Клянешься ли ты своей сущностью, истинным именем, черной луной и патентом на возвращение из Тартара? Пожалуй, такая клятва меня устроит! — ласково уточнила Даф. Десять тысяч лет на школьной скамье — срок достаточный, чтобы постичь азы науки стражей.

Суккуб тревожно икнул. Желания клясться истинным именем и сущностью в его лукавых глазках не отразилось. И уж патентом на возврат из Тартара он точно рисковать не собирался.

— Ладно, замяли, нюня моя!.. А теперь призовая игра! Сейчас мы сделаем генеральную репетицию твоему великому чувству! — перебил суккуб, вдохновенно шевеля пальчиками и неуловимо начиная походить на кого-то. Слово «чувство» он произнес как «чюйство!», и в этом произношении оно обрело новое, какое-то липко-пошловатое значение.

Пока Даф пыталась понять, о чем идет речь, Хнык что-то деловито забормотал. Это было чисто внутреннее,

техническое бормотание. Суккуб настраивался, сублимировался, вживался в образ.

— Вот я весь такой. Ну такой вот весь я! Тэк: система горбуна Лигула, Немировича и прочих Данченок! Уши есть, нос есть. Под глазками положим небольшую тень от недосыпа, здесь бросим пару родинок. Что у нас еще? Волосы? Ах как хороши — просто подражать приятно! Сколотый зуб: чего ж он так запустил себя? Есть же, извиняюсь, косметическая стоматология, — бубнил он вполголоса. — И вообще — будущий повелитель Мрака! Захоти он — у него выросло бы сто зубов!

— Сто зубов не надо. Депресняк не выдержит конкуренции, — отказалась Даф.

Ей вдруг сделалось неуютно. Прямо перед ней стоял Мефодий. Она знала, конечно, что это всего лишь суккуб, но сердце все равно предательски замирало в груди, после каждого третьего удара делая странную паузу. Если она, Дафна, страж Света, так себя ведет, что же говорить о бедных влюбленных лопухоидах! Неудивительно, что они несут свои эйдосы проклятому суккубу за одно лишь право временного обладания призраком! Даже Депресняк и тот пришел в замешательство и перестал шипеть. К Буслаеву, как известно, он относился неплохо, что всегда раздражало Дафну.

Суккуб завершил превращение и в новом обличье, красуясь, обошел вокруг Даф.

— О, солнце мое, я люблю тебя! Дай мне поносить свои крылышки! — сказал он голосом, возможно, чуть более глухим, чем это сделал бы реальный Мефодий.

Ощувив, что заврался, суккуб проницательно взглянул на Даф и поправил голос:

— Так как насчет, извиняюсь, крылышек? Поносить дашь? А я тебя за это, возможно, поцелую. А возможно, и не поцелую! Такой вот я переменчивый!

Даф рассвирепела. Очарование исчезло. К тому же она все еще продолжала использовать истинное зрение, и сквозь образ Мефодия нет-нет да проступал гнусный облик Хныка.

— Перестань лезть в чужие дела! Еще один вяк в этом духе, и я... — пригрозила она.

Суккуб захихикал (или, точнее, захюхюкал), довольный, что вывел ее из себя. Всерьез получить крылья Даф он сейчас и не надеялся, а лишь глумился, следуя давней привычке.

— Ну-ка, ну-ка! Что же ты, противнюшечка, со мной сделаешь? Натравишь котика? Прогонишь звуками флейты? — с издевкой спросил он.

В отличие от комиссионеров суккубы не слишком боялись маголодий. Нет, они, разумеется, исчезали, когда их изгоняли, но уже через пару минут возвращались вновь как ни в чем не бывало.

Даф задумчиво куснула заусенец на большом пальце.

— Зачем же сразу флейтой? Есть и другие способы, — сказала она и, отступив назад, что-то зашептала.

— Шепчи-шепчи! На меня заклинания не действуют! — со смехом сказал Хнык.

Он продолжал издевательски подпрыгивать и кривляться, но делал это все менее уверенно. На лице медленно проступала тревога. Затем он остановился и уставился на ноги. Они укорачивались и срастались, начиная от пояса и ниже, к коленям. Изменялись не только ноги. Лицо стекало, точно расплавившийся воск. Тело на глазах округлялось, оплывало, обрастало чем-то густым, корич-

невым, с темным подпалом. Руки втягивались в плечи. Позвоночник гнулся и кренился к земле, не выдерживая тяжести неуклюжего длинного туловища.

Когда ноги окончательно срослись и ступни исчезли, суккуб не смог стоять и тяжело рухнул на асфальт. Вначале он испугался, но внезапно понял, что на асфальте гораздо удобнее. Он согнул туловище, попытался ползти и отметил, что это получается у него просто отлично.

— Что ты со мной сделала, светлая? Что это было за заклинание? — крикнул он Даф.

— При чем тут заклинание?.. О-о-о, как я довольна, что ты стал гусеницей! О, как я мечтала об этом! Как я хочу, чтобы ты полз по трубе и шмякался! Полз и шмякался!.. Полз и шмякался!.. Сделай это, милый! Сделай это для меня! О-о-о! — издевалась Даф со страстным придыханием.

Теперь она уже не шептала, а говорила громко.

— Перестань! Ты что, больная на голову? Не хочу я никуда лезть! — в панике пискнул Хнык, ощущая, что его тело перестает ему подчиняться.

Помимо своей воли он уже полз по водосточной трубе, дополз до второго этажа и шлепнулся на асфальт, разбрызгав зеленоватую вонючую слизь. Прохожие морщились. Они по-прежнему ничего не видели, однако запах был доступен даже восприятию жителей нижнего мира.

— О, это так фантастично! Сделай это еще раз, милый! Упади с трубы! — мстительно сказала Даф и, спохватившись, что говорит обычным голосом, добавила на всякий случай парочку страстных придыханий.

— Прекрати! Откуда ты знаешь? Я думал, это тайна! — взмолился суккуб, покорно взбираясь на скользкую трубу.